

Конструктивный реализм и моральные ценности

ПАВЕЛ МАТВЕЕВ

Владимирский государственный университет
mail@matvei.elcom.ru

Статья посвящена исследованию природы и содержания моральных ценностей с позиций конструктивного реализма и феноменологии. Особое внимание обращено на применение феноменологического метода к анализу субъектного осознания ценностей. В качестве примера, иллюстрирующего возможности подобного подхода в этике, берётся феномен «толерантности», как она интерпретирована в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». В статье делается вывод, что комплексный подход к изучению моральных ценностей, включающий идеи конструктивного реализма и феноменологии, оказывается достаточно эффективным. Он может быть применен как для ценностного анализа действительности, так и художественных и иных ее интерпретаций.

Ключевые слова: ценность, моральная ценность, конструктивизм, конструктивный реализм, феноменологическая редукция, ноэса, ноэма, толерантность, контекст/правда.

Введение

До настоящего времени нет однозначного решения проблемы природы моральных ценностей. А это важно для оценки и выбора конкретных нравственных ценностей, реализуемых в жизни общества и поступках человека. Объектом предлагаемой статьи и является изучение природы моральных ценностей и их интерпретаций. Предмет исследования – возможности конструктивного реализма и феноменологии в изучении ценностей. Цель исследования – реализация комплексного подхода к анализу

ценностей, основывающегося на идеях конструктивизма и феноменологии. Данный подход остается слабо изученным в современной этике.

В настоящее время существует большая литература в российской философии по *конструктивному реализму*¹. Однако

¹ См., например: Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон-Плюс» РООИ «Реабилитация», 2009; Познание. Понимание. Конструирование. М.: ИФРАН, 2008; Конструктивизм в теории познания. М.: ИФРАН, 2008 и др. Наибольший вклад в развитие этой темы в российской философии вносят работы В. А. Лекторского, статьи которого опубликованы в отмеченных выше сборниках, а также в различ-

оценка его не однозначна. Существует мнение, что само понятие «конструктивный реализм» есть оксюморон. Имеется и иная репрезентация, когда утверждает, что «конструктивный реализм – это и есть современная философская установка, соответствующая той ситуации, которая создана развитием науки, техники и коммуникационных процессов»². Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что позиция конструктивного реализма является весьма эффективной и не только в эпистемологии, но и в этике. Мы постараемся в дальнейшем показать, как можно с данных позиций подойти к решению проблемы природы моральных ценностей. Но вначале следует определиться с исходными понятиями.

Можно дать рабочее определение конструктивного реализма как направления в философии, признающего лежащую вне сознания реальность и активность субъекта, познающего и преобразующего (конструирующего) данную реальность. Или, еще: конструктивный реализм – это учение признающее лежащую вне сознания реальность, которую субъект способен активно познавать и преобразовывать (конструировать).

Мы согласны с мнением В. А. Лекторского, что конструктивный реализм «в определенном смысле снимает противостояние конструктивизма и

реализма»³. В основе конструктивного реализма лежит идея о существовании реальности, находящейся вне сознания человека, которую традиционно в философии обозначали как «объективная реальность». Она предстает и основой для деятельности и ее мерой, границей. Перефразируя Б. Рассела можно сказать, что понятие «реальность» является одним из способов внедрения должной скромности в сознание творящего, конструирующего мир человека. «Если это ограничение гордости снято, то делается дальнейший шаг на пути к определенному виду сумасшествия – к отравлению властью»⁴.

Мы считаем, что конструктивный реализм можно эффективно использовать при решении проблем природы моральных ценностей, по которой, начиная с зарождения аксиологии в XIX веке и по настоящее время, идет борьба двух противоположных подходов: объективного и субъективного. Мы не будем анализировать перипетии этой борьбы, аргументы той и другой стороны, ибо они уже хорошо изучены⁵.

ных журналах, включая «Вопросы философии».

2 Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон-Плюс» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 40.

3 Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон-Плюс» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 18.

4 Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Издательство НГУ, 1997. С. 749.

5 См, например: В.К.Шохин. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: Издательство РУДН, 2006; И.И. Докучаев. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. – СПб.: Наука, 2009; Мамвеев П.Е. Ценностный подход в этике. Владимир: ВФ РУК, Собор, 2009 и др.

Остановимся на анализе некоторых особенностей реалистического исследования ценностей, который связан, прежде всего, с объективным подходом.

Конструктивистские элементы в ценностном подходе проявляются уже в выделении именно ценностных свойств в реальности, где в совокупности, в определенном единстве существуют различного рода свойства – физические, химические, аксиологические и др.. Репрезентация этих свойств у субъекта всегда избирательна, и избирательность данная зависит от качеств самого субъекта, – как физических, так и интеллектуальных, которые в свою очередь связаны с социальными, культурными качествами, сформированными в фило – и онтогенезе.

Ценности как объективные феномены в свою очередь обладают особыми качествами. Моральная ценность, например, непосредственно не проявляется в физическом пространстве и времени, она не есть первичное качество и не ощущается отдельными органами чувств. С нашей точки зрения моральные ценности предстают как идеальные качества в платоновском понятии идеального, за тем лишь исключением, что они не существуют независимо от их предметных носителей, они более подобны формам Аристотеля. Познание ценностей поэтому носит сложный характер и осуществляется через восприятия, интуиции. Рационально их можно и не «узреть». Человек, который старается решить вопросы этики рационально, отвергая здесь гносеологическую роль чувств,

наверно отвергнет и ценности, ибо они непосредственно осознаются через особые ценностные чувства. При этом ценностное восприятие должно быть сконструировано, для чего оно должно пройти через определенную редукцию, эпохе. Данная редукция предстает как феноменологическая и она может быть двоякой: трансцендентальной и трансцендентной.

Трансцендентальная редукция в современной философии в наибольшей степени изучена Э. Гуссерлем, у которого редукция, эпохе предстает важнейшим методом феноменологического анализа. При феноменологическом анализе, описанном в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии», необходимо «вынести за скобку» все, что трансцендентно в данном случае для субъекта. В результате мы получаем «чистое абсолютное сознание», но «чистое» не означает «пустое». Оно «чисто» от несущественных в «определенном отношении элементов». И по Гуссерлю есть логический, аксиологический, практический аспекты сознания⁶.

Нас интересует аксиологический аспект, который остается в результате феноменологической редукции. И здесь мы обнаруживаем соответствующие ноэсы и ноэмы. Ноэса предстает как определённый нравственный смысл той или иной ценности, а ноэма как определенное значение восприятия или как «интенциональная предметность». В

6 См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. С. 377.

качестве ноэс и являются конкретные моральные феномены – добро, зло, справедливость, свобода, насилие и др., – это субъективные аналоги ценностей, но в их определенном ноэматическом аспекте, т. е. как определенные имманентные сознанию феномены.

Феноменологическая трансцендентальная редукция действительно важна при ценностном подходе. Чтобы более или менее адекватно репрезентировать объективные ценности субъекту необходимо приложить определенные усилия по отношению к собственному сознанию и избавиться от эгоизма, от потребительского отношения к миру, перестать воспринимать «ценности» в парадигме «значения», т.е. как то, что значимо и, следовательно, ценно только для него, субъекта.

С трансцендентальной редукцией связана трансцендентная редукция, под которой мы понимаем «вынесение за скобку» своего сознания несущественных в самом объекте «в определенном отношении элементов». Так, физик в вещи старается замечать только её физические свойства, абстрагируясь от иных ее многочисленных свойств. При ценностным подходе надо редуцировать все то, что мешает воспринимать вещь, как она есть для себя, т.е. в её уникальности, единственности, самоценности.

Митрополит Антоний Сурожский в одной из своих бесед приводит очень содержательный пример их книги Чарльза Уильмса «Канун для святых», как умершая женщина, освободившаяся от своего физического тела, начинает по иному воспринимать знакомы ей

физический мир, в частности, воды Темзы. Если раньше эти воды были ей отвратительны из-за своей загрязненности, то теперь «она начинает сквозь слои густоты видеть дальнейшие слои меньшей густоты, большей прозрачности. Она видит этот поверхностный загрязнённый слой, затем ниже – ещё большую прозрачность, глубже – большую чистоту, дальше и дальше. Так что, переходя от одного слоя к следующему, она обнаруживает, что сердцевина реки состоит из воды, не из отбросов, грязи; там – вода! И вглядываясь ещё глубже, она видит совершенно особенную воду; и в сердцевине этой воды, которая стала частью человеческой истории, так сказать, человеческой жизни, видит воду первозданную, сотворенную Богом воду, совершенно чистую, прозрачную; и в самой сердцевине этой воды сверкающий поток, – это та самая вода, которую Христос дал самарянке»⁷.

Феноменологическая редукция, как трансцендентальная, так и трансцендентная, несомненно предстают конструктами по своей природе. Однако конструктивная деятельность здесь имеет и свои пределы. В одном случае – это наличие аподиктических трансцендентальных ноэс, а в другом – трансцендентных объективных свойств, отношений, форм (их можно было бы назвать трансцендентными ноэмами, если бы это не внесло путаницу в философскую терминологию). И здесь уже мы исповедуем реалистический подход,

⁷ Антоний митрополит Сурожский. Беседа о притчах / Труды. М.: Практика, 2002. С. 622–623.

а все вместе дает то, что обозначается как «конструктивный реализм».

Естественно, что возникает множество вопросов. В частности, необходима ли трансцендентная редукция или это пример нашего эпистемологического конструктивизма? Какова природа трансцендентальной ноэсы, или она всецело является продуктом конструктивистской деятельности субъекта? Каково должно быть отношение индивида к ноэсам и ноэмам? И т.д. Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов.

По своей природе истинная ноэса, в том числе аксиологическая, является аподиктической истиной и, следовательно, не может всецело быть результатом конструктивизма. Активность субъекта проявляется в редукции, открывающей ту или иную ноэсу, а затем ноэму. Определенную же установку на ноэсу, в нашем случае на определенный нравственный смысл феномена, субъект может сформировать и до всякого конкретного поступка. Такая установка может быть получена через воспитание, образование, почерпнута из книг, другими словами из «жизненного мира». «Жизненный мир» у каждого индивида свой, хотя и есть много общего у разных людей. Велика здесь роль и субъективных качеств, как приобретенных, так и врожденных. Например, мы должны согласиться, что есть врожденные нравственные чувства, и у разных людей их совокупность различна. Некоторые обладают врожденным чувством справедливости или долга, добра, что и определить вербально не каждый из

таких личностей в состоянии. Можно сказать, что подобные чувства являются развитием «естественного нравственного закона», от рождения в той или степени присущего всем людям, они проявляются как определенные нравственные инстинкты⁸. В художественной литературе отражены подобные факты. Так, врожденным чувством благородства отличались и князь Андрей Болконский у Л.Н. Толстого и казак Григорий Мелехов у М.А. Шолохова. И прекрасно, что такие люди существуют не только в виртуальной реальности, но и в самой действительности.

Однако внутренняя самодетерминация, которая предстает и как свобода личности, недостаточна для определенного морального выбора. Несомненно, моральный выбор должен носить личный, свободный характер. У субъекта должна быть возможность отказаться от любой ноэмы и ноэсы, и одним из факторов такой свободы является сама мораль. Но как нравственная личность, человек никогда не сможет воспользоваться такой свободой. Человек в сфере морали и свободен в выборе добра и зла и предопределен добром.

Добро для человека не редуцируемо только к имманентному добру, к трансцендентальным ноэсам, но и включает в себя трансцендентное добро, трансцендентные ноэмы, в том числе трансцендентные ценности. В моральном выборе, как ни в каком другом случае, индивид действительно предстает «дву-

⁸ «Моральному инстинкту» человека посвящена книга Марка Хаузера «Мораль и разум» (М.: Дрофа, 2008).

ликим Янусом», как писал М. М. Бахтин, обращенным и вне себя и по внутрь себя⁹. В моральном выборе в конечном пункте человек должен следовать только внутреннему своему «Я», однако при этом «Я» может и должно выходить за пределы самого себя к «Другому», к «Мы».

Да и недостаточно внутренней детерминации субъекта для жизни в окружающем его мире. Всякая субъективность самоограничена своей собственной природой. И ограниченность ее давно отмечена философией и наукой в различных видах. Так, Кант показал ограниченность рационализма философскими средствами, а Гедель – математическими. Юм выявил ограниченность эмпиризма и т.д. Выдающийся русский физик П.Л. Капица обращал внимание на ограниченность рациональных методов в физике и на эвристическую роль здесь эксперимента. «Новое явление в физике, т.е. такое, «которое нельзя ни полностью предсказать, ни объяснить на основе уже имеющихся теоретических концепций» может дать только эксперимент. П.Л. Капица отметил ряд таких экспериментов, заложивших основу современной физики. «Прежде всего я хочу назвать открытие Гальвани в 1789 г. электрического тока, – писал П. Л. Капица, – которое, конечно, никак не вытекало из существовавших тогда теоретических концепции о природе электричества, в основном созданных

Франклином»¹⁰. А в целом П.Л. Капица выделил восемь подобных экспериментов, решающих для развития физики, в том числе теоретической, за период в 130 лет: с 1789 г. по 1919 г.

Аналогична роль живого опыта, имеющего дело с объективной реальностью, при других видах человеческого творчества. Из сферы морали можно указать на принцип любви к врагам своим, который предложил в своем жизнеучении Иисус Христос, и который никак не следовал из прежней теории морали. Но данный принцип, как показывают современные исследования, был представлен в различных формах в ближневосточных культурах во времена Христа¹¹.

И никакие ноэсы не помогут перешагнуть к осмыслению принципиально нового уровня реальности. Для этого необходимы опытные данные, почерпнутые из «жизненного мира». Эти факты можно использовать и как аргументы в защиту конструктивного реализма. Современная наука, современный «жизненный мир» дают и иные подтверждающие реализм факты. Например, разразившийся в 2008 г. экономический мировой кризис был отчасти спровоцирован забвением объективной реальности и переоценкой виртуальной реальности. В. А. Лекторский отмечает,

9 См.: Бахтин М.М. К философии поступка // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 тт. М.: Русские словари. 2003. Т. 1.

10 Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. С. 402.

11 См., например: *Marius Reiser*. «Love of Enemies in the Context of Antiquity» (*New Test. Stud.* (2001) 47, pp. 411–427); *Alan Kirk*. «“Love Your Enemies,” the Golden Rule, and Ancient Reciprocity (Luke 6:27–35)» (*JBL* (2003). Vol. 122, No. 4, pp. 667–686).

что «развитие современной науки в целом, интенсивно прогрессирующее в течение последних 30 лет исследование когнитивных процессов в особенности дают все больше аргументов в пользу реалистической интерпретации познания и знания»¹².

В качестве примера конструктивно-реалистического подхода к нравственным ценностям обратимся к краткому анализу моральной ценности толерантности (терпимости), как она представлена в романе «Тихий Дон». Толерантность и роман «Тихий Дон» казалось бы есть вещи несовместные. В самом деле, роман «Тихий Дон» – это гениальная картина гражданской войны. Как возможна здесь толерантность как терпимость к инакомыслию, если гражданская война по сути своей есть высшая форма нетерпимости?! И в великом романе М.А. Шолохова приведено много сцен подобной нетерпимости, где не только сталкиваются различные идеи, мировоззрения, но и где льется кровь носителей разных мировоззренческих и нравственных конструкций. Одна из таких ярких, художественно совершенно оформленных сцен – это описание расстрела белыми казаками большевика Подтелкова и его товарищей, приведенная в пятой части второй книги романа.

В предсмертной речи, с петлей на шее, Подтелков сказал, обращаясь к поредевшей толпе казаков и казачек: «Вы – горько обманутые! Заступит

революционная власть, и вы поймете, на чьей стороне была правда. Лучших сынов Тихого Дона поклади вы вот в эту яму»¹³. И последними словами красного командира были: «Ишо не научились вешать. Кабы мне привелось, уж ты бы Спиридонов, не достал земли»¹⁴.

Как видим, и перед смертью не проявил Подтелков какой-либо толерантности. Он был готов также расправляться со своими классовыми врагами, как расправились с ним и с его товарищами их противники – белые. И он это продемонстрировал в свое время под станицей Глубокой, о чем напомнил ему перед гибелью главный герой романа Григорий Мелехов.

Однако следует обратить внимание, что вслед за тридцатой главой, где описана казнь Подтелкова, в романе следует глава, которой и заканчивается вторая книга романа, где приведена сцена наказания пойманных белыми казаками Михаила Кошевого и Валета, отстаивавших взгляды красных. Валета, как не казака, застрелили, а Кошевого, коренного казака станицы Вешенской, наказали плетьюми. Но самая удивительная сцена описана в конце этой главы и, следовательно, в конце всей второй книги. Здесь рассказано как маленькую придорожную могилку Валета посетил один старик. «Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, – повествует роман, – вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежооструганном дубовом устое часовню. Под треугольным на-

12 Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм. С. 18.

13 Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в 4-х книгах. Кн. 1–2. М.: Эксмо. 2009. С. 715.

14 Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1–2. С. 716.

весом её в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери, внизу на карнизе навеса мохнатила черная вязь славянского письма: В годину смута и разврата не осудите, братья, брата»¹⁵.

«В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата» – это может быть эпиграфом к теме толерантности, где кратко выражена сущность данной духовной установки, которая имеет и философские, и религиозные, и нравственные, и политические и др. аспекты. И такая архитектоника эстетического и нравственного видения гражданской войны в романе «Тихий Дон», конечно, не случайна. Здесь сознательно используется противопоставление двух противоположных мировоззренческих позиций в следующих друг за другом главах. Художественное произведение позволяет объединить в нечто целое события, которые могут быть растянуты в историческом реальном пространстве.

Страшная кровавая война, оказываясь, может сосуществовать в историческом реальном времени и пространстве с феноменом терпимости. В этом случае, как в романе Тихий Дон», мы встречаемся с несколькими правдами или с несколькими нравственно-ценностными конструкциями. Выделим четыре важнейшие конструкции, или, говоря языком М. Бахтина, четыре важнейших нравственно-ценностных контекста. Таковыми контекстами/правдами предстают: 1) «правда красных», 2) «правда белых», 3) «народная» или в данном хронотопе (историческом пространстве/

времени) «сословно-казацкая правда» и 4) правда/контекст автора.

В отмеченном акте расстрела белыми красных описаны массовые сцены, где выделенные контексты/правды еще требуют особого анализа, позволяющего оценить их в более индивидуализированном и формализованном виде. Но в романе «Тихий Дон» есть сцены, где представлены непосредственные контакты/диалоги разных нравственно-мировоззренческих контекстов, где отражена сущность подобных контактов. В «Тихом Доне» есть замечательная и глубочайшая по нравственному смыслу сцена, где отражен подобный диалог. Это сцена из четвертой, заключительной главы романа, где описана встреча вернувшегося в родной дом с гражданской войны демобилизованного из рядов Красной Армии Григория Мелехова со своим шурином, бывшем другом и однополчанином по Первой мировой войне большевиком Михаилом Кошевым. Вот выдержки из их «диалога»:

«Они молча закурили. Сбивая ногтем пепел с сигарки, Кошевой сказал:

– Знаю я об твоих геройствах, слышал. Много ты наших бойцов загубил, через это и не могу легко на тебя глядеть... Этого из памяти не выкинешь.

Григорий усмехнулся

Крепкая у тебя память! Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю... Ежели всё помнить – волками надо жить.

Ну что ж, убил, не отказываюсь! Довелось бы мне тогда тебя поймать, а и тебя бы положил, как миленького!

¹⁵ Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1–2. С. 719.

А я, когда Ивана Алексеевича в Усть-Хопре в плен забрали, спешил, боялся, что и ты там, боялся, что убьют тебя казаки... Выходит, занапрасну я тогда спешил.

Благодетель какой нашёлся! Поглядел бы я, как ты со мной разговаривал, ежели б зараз кадетская власть была, ежели б вы одолели. Ремни бы со спины небось вырезывал! Это ты зараз такой добрый...

– Может, кто-нибудь и резал бы ремни, а я поганить об тебя рук не стал бы.

– Значит, разные мы с тобой люди... Сроду я не стеснялся об врагов руки поганить и зараз не сморгну при нужде»¹⁶.

И заканчивается этот «диалог» словами Григория:

«... – Хочу пожить возле своих детишек, заняться хозяйством, вот и всё. Ты поверь, Михаил, говорю это от чистого сердца!

Впрочем, никакие заверения уже не могли убедить Кошевого, Григорий понял это и умолк. Он испытывал мгновенную и горькую досаду на себя. Какого черта он оправдывался, пытался что-то доказать? К чему было вести этот пьяный разговор и выслушивать дурацкие проповеди Михаила? К черту! Григорий встал.

– Кончим этот никчемный разговор! Хватит!»¹⁷

Великий художник показал здесь встречу действительно разных людей, как представителей разных нравственно-ценностных контекстов, каждый

из которых следовал своей правде. Примечательно, что здесь снова используется метод противопоставления, контрастности, когда предосудительное зло особо оттеняется на фоне общечеловеческого добра. Так, перед «диалогом» Григория Мелехова с Михаилом Кошевым произошла встреча Мелехова со своим другим однополчанином, верным ординарцем Прохором Зыковым. И встреча эта прошла в духе искренней человеческой радости от общения хорошо знавших друг друга людей, совместно переживших многие жизненные коллизии. «Обнимая Григория он всхлипнул, вытер кулаком глаза, разгладил мокрые от слез усы. У Григория что-то задрожало в горле, но он сдержался, растроганно, грубовато хлопнул верного ординарца по спине, несвязно проговорил:

– Вот и увидались... Ну и рад я тебе, Прохор, страшно рад! ...»¹⁸

В сцене «диалога» Мелехова и Кошевого также выделяются четыре отмеченных выше нравственно-ценностных контекста. «Правду красных» отстаивает Михаил Кошевой. Идеально здесь присутствует и «правда белых», которую Кошевой презумпирует Мелехову. Есть здесь «народная» или «сословно-казацкая правда», реальным носителем которой в то время являлся Г. Мелехов, и есть «авторская правда» самого Шолохова, единственного реального лица в данной сцене, хотя, естественно, в романе в качестве живых, реальных людей предстают вымышленные автором герои.

¹⁶ Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 3–4. С. 717.

¹⁷ Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 3–4. С. 718.

¹⁸ Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 3–4. С. 709.

«Правда красных» – это «правда» новой классовой пролетарской морали. Мы знаем о ней не только из художественной литературы, но и из контекста самой истории и из философского наследия. Одной из работ по большевистской этике, получивших широкую известность, является статья Льва Троцкого «Их мораль и наша»¹⁹. Волею судеб Лев Троцкий, как один из вождей большевизма, оказал не только теоретическое влияние на определённую часть казачества через рядовых агитаторов большевистских идей типа Штокмана, приехавшего еще до революции в хутор Татарский, где разворачиваются основные события романа. Но Л. Троцкий принял непосредственное практическое участие в уничтожении другой части казачества, не принявших «правду» большевизма.

В своей статье Л. Троцкий жестко критикует учение об общечеловеческой нравственности. С его точки зрения «мораль есть лишь одна из идеологических функций» борьбы классов. «Господствующий класс навязывает обществу свои цели и приучает считать безнравственными все те средства, которые противоречат его целям. Такова главная функция официальной морали», – пишет Л. Троцкий. Значит, ничего кроме сознательного обмана, у общече-

ловеческой морали нет. Собственно, нет и общечеловеческой морали как таковой, нравственность имеет классовую основу. Есть, конечно, общеобязательные нормы морали или «элементарные правила морали». Но по Л. Троцкому их действительность ограничена и неустойчива, что особенно ярко проявляется как раз во время гражданской войны, одна из которых описана в романе «Тихий Дон». «Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, – писал Л. Троцкий, – которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами».

Однако аргумент Троцкого против общечеловеческой морали, состоящий в том, что она часто нарушается, особенно в период классовых войн, крайней формой которой является гражданская война, не состоятелен. Аналогично, если школьники стали чаще нарушать правила грамматики, то это еще не значит, что сами правила устарели, что они разрушаются. Грамматические правила остаются, но встает проблема повышения уровня грамотности среди школьников. Так и с моралью: ее основные ценности и принципы остаются неизменными, а вот уровень морали, моральности в обществе и среди людей во время классовых битв, особенно во время гражданских войн, действительно понижается. И возникает проблема повышения уровня морали в обществе.

Россию спасло то, что и во время гражданской войны, и в годы сталинизма сохранялась и общечеловеческая нравственность, и хранил ее народ, а не власть, которая старалась насадить

19 См.: ж. «Вопросы философии». 1990, № 5, ISSN 0042-8744; а так же ж. «Этическая мысль». М.: ИФ РАН, 1991, ISSN 2074-4870. Критический анализ этой статьи с точки зрения современной российской этики дан в работе А. А. Гусейнова «Этика Троцкого» (Этическая мысль. 1991/ Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992).

силой иную, классовую, пролетарскую мораль.

И один из героев романа Михаил Кошевой действует совершенно в духе учения Л. Троцкого, и считает себя при этом абсолютно правым. И, в частности, потому, что, по его мнению, такое же насилие по отношению к нему и его единомышленникам применяют и его противники, белые, в том числе Григорий Мелехов, если власть будет у них. Он не видел ни «третьей», ни «четвертой правды». Конечно, с детства он был знаком со многими нормами сословно-казацкой нравственности, но новая, большевистская, точка зрения «заставляла» его считать такие нормы устаревшими, служащими ненавистному царскому режиму, сословной исключительности. И в этом он был неправ, в этом заключалась его ограниченность. Такой ограниченный нравственно-ценностный контекст не предполагает равноправного диалога, здесь догматически утверждается только одна правда – собственная, и не допускается ни вероятность её ошибки, ни возможность иной истины. Будучи классовой моралью и отвергая общечеловеческую нравственность, пролетарская нравственность парадоксальным образом старалась утвердить себя в качестве общечеловеческой, от имени которой только и можно вершить нравственный суд. Слабость «народной нравственности» представители пролетарской морали могли видеть уже в том, что во время суровой классовой борьбы она якобы с необходимостью уступает место, «перерождается» в самих ин-

дивидах, как носителях её ценностей, принципов в «красную» или в «белую правду/мораль».

«Белая правда» в данной сцене присутствует виртуально, как предполагаемая у Григория Мелехова. По отношению к врагам своим мораль белых не отличалась от морали красных – та же нетерпимость и истребление «других». Типичным носителем подобной морали в романе предстает Евгений Листницкий, проявляющий определенное геройство на войне, соблюдающий честь и достоинство офицера, но не считающийся с честью и достоинством простых казаков, «черни». Такая мораль также была не способна к диалогу, как и пролетарская и уже в этом её ограниченность.

Носителем «народной», «сословно-казацкой нравственности» в анализируемой сцене предстает Григорий Мелехов. «Четвертая правда» – это правда самого автора, М.А. Шолохова, которая во многом представляет общечеловеческую нравственность, что позволяет автору объективно оценить и позицию Кошевого и позицию Мелехова. Анализируемая сцена описана с позиций этой общечеловеческой морали столь правдиво, что мы всей душой на стороне Григория Мелехова. Нам симпатично благородство и рыцарство Григория и претит агрессивность и классовая непримиримость Кошевого. Наше нравственное сознание интуитивно чувствует правоту Григория Мелехова, отстаивающего общечеловеческие и во многом здесь абсолютные ценности морали. И это составляет основу нравственного

достоинства Григория. Михаил Кошевой, который абсолютизирует классовое до отрицания общечеловеческого и абсолютного, напротив, воспринимается как ограниченный, фаталистически готовый к преступлению против жизни и личности, человек. И это вызывает не только осуждение, но и омерзение.

А почему следует отдавать предпочтение общечеловеческой морали перед классовой? Дело в том, что та или иная мораль опирается на определенный жизненный опыт, жизненный мир, как писал в своих последних работах Э. Гуссерль. И, естественно, что все групповые, сословные, классовые жизненные миры меньше по объему, чем жизненный мир всего человечества. А мораль

и создается как определенное средство регуляции человеческого поведения на основе определенного жизненного мира. И общечеловеческая мораль обращена как ко всему человечеству, так и к каждому из нас.

Заключение

Комплексный подход к изучению моральных ценностей, включающий идеи конструктивного реализма и феноменологии, с нашей точки зрения оказывается достаточно эффективным. Он может быть применен как для ценностного анализа действительности, так и художественных и иных ее интерпретаций. И сам данный подход нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

Антоний митрополит Сурожский. Беседа о притчах. / Труды. М.: Практика, 2002.

Бахтин М.М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Собр. соч. в 7 тт. М.: Русские словари. 2003. Т. 1.

Гусейнов А.А. Этика Троцкого // «Этическая мысль». М.: ИФ РАН, 1992.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.

Катица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981.

Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон-Плюс» РООИ «Реабилитация», 2009.

Матвеев П. Е. Ценностный подход в этике. Владимир: ВФ РУК, Собор, 2009.

Рассел Б. История западной философии.

Новосибирск: Издательство НГУ, 1997.

Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: Издательство РУДН, 2006.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман в 4-х книгах. М.: Эксмо. 2009.

Троцкий Л. Их мораль и наша // «Вопросы философии». 1990, № 5.